

СОЛЬ

Старик Бугенгаген проснулся на ноте «соль».
Звучащая «солью» старенькая консоль
С надписью ниже экранчика «Vlaipunkt»
Лежала себе подле тумбочки на боку.
Глядя в рябящий экран, старик Бугенгаген
Тщетно пытался понять – и о чем Нина Хаген,
Или не Хаген... Тим Богарт или Стив Уилсон
Звук издает, пытаясь наполнить смыслом,
Или не смыслом, а запахом или тоской?
Все, что находится над гробовой доской.
Старик Бугенгаген... а может, уже и не он,
А тень отца Гамлета... Троль, рушащий Пантеон,
Амфетаминовый бог, пересевший на крэк,
Вдруг замышляет через окно побег
Из пустоты «до-си» в пустоту «ми-соль».
Роняя горшки, рассыпая фасоль и соль,
Тигром дряхлеющим прыгает сквозь стекло.
Кончилась песня. Время ее истекло.

Муравьи усеяли весь подоконник.
В надежде что-нибудь пожевать?
Пока я отсутствовал, в деревне случился покойник.
Ну и другие околожизненные кружева:
Буря сорвала шифер, побила градом
Грядки с цыбулей, цыпят вместе с глупой квочкой.
На свадьбе описался шафер от грозового разряда.
Выдали ему галифе и трусы с цветочками.
Посмеялись и успокоили: «Не переживай!
Ты вот не пьешь, а выпил бы граммов триста,
Наплевал бы на эти небесные кружева.
И как ты в армии служил-то артиллеристом?!».
Муравьев карбофосом залил, а печаль – вином.
Ну, не то чтоб печаль, а так, кружевные мысли,
Те, что о разном, по сути же – об одном.
О небесной выси.

Я говорил – мы, как Пьер и Мария Кюре.
Ты отвечала – яблочное пюре
Вместо картошки я бы могла сварить...
Кстати, Кюри. Ну и о чем говорить?
Я про Ерему, ты про Фому в ответ.
Прошное есть. Настоящего с будущим нет.
Прячу ноль-пять в левый карман пальто.
Вышел гулять в ночь Господин Никто.
Звезды считать в небе и коньяке.
Плыть на плоту по незамерзшей реке.
Утром пристать к берегу, не к тому,
И ни о чем не рассказывать никому.